

К Л А Н Ы

18+

ОНА ВЕРНУЛАСЬ НЕ ДОМОЙ. ОНА ВЕРНУЛАСЬ ОТОМСТИТЬ.

ПОДАЁТСЯ ХОЛОДНЫМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ангела Норвен

Кланы. Подаётся холодным

<https://litres.ru/74288184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все думают, что страной управляет государство. Но пока люди обсуждают законы и следят за новостями, важнейшие решения принимаются за закрытыми дверями.

Деньги, продовольствие, сырьё, оружие, технологии, торговля и логистика разделены между семью могущественными кланами. Они не доверяют друг другу, но их хрупкий союз сохраняет мир и удерживает экономику страны от краха. Пока каждый соблюдает правила.

Лиз — единственная наследница оборонной империи. Майкл, наследник нефтяной империи, собирается сделать ей предложение и укрепить кланы, и их будущее кажется предreshённым. Но по дороге на гала-ужин он встречает незнакомку на белом мотоцикле. Несколько минут на предельной скорости. Один взгляд из-под тёмного визора. Одна встреча, которая изменит всё.

Она вернулась в страну с единственной целью — отомстить собственному дяде.

Семь кланов годами удерживали равновесие. Но чтобы разрушить его или спасти, может хватить одной женщины.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Без запасного сценария	10
Глава 2. Женщина для будущего	20
Глава 3. Разговор, которого не было	29
Глава 4. Мёртвая зона	40
Г	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ангела Норвен

Кланы. Подаётся холодным

Предисловие

Экономические отношения сложны даже между двумя людьми. Между компаниями они превращаются в борьбу интересов. Между государствами — в игру, правила которой меняются быстрее, чем успевают высохнуть подписи под очередным соглашением.

В этой игре всегда есть сильные и слабые. Есть те, кто принимает решения, и те, кто вынужден жить с их последствиями. Есть верхушка, контролирующая денежные потоки, и есть люди в самом низу, до которых доходят лишь остатки.

В мире этой истории деньги двигались по воронке.

Сначала они проходили через правительство и государственные структуры. Затем спускались к крупнейшим корпорациям, банкам и владельцам целых отраслей. Ниже находились подрядчики, посредники и малый бизнес. И только в самом конце цепочки деньги попадали к тем, кто верил системе, выращивал хлеб, перевозил грузы, стоял у станков и каждый день открывал двери магазинов.

Чем ниже находился человек, тем меньше ему доставалось. Но именно миллионы таких людей удерживали всю

конструкцию от падения.

Над этой системой стояло государство.

Оно не принадлежало ни к одному из кланов и само не считалось кланом. Оно находилось выше них, устанавливало границы дозволенного и решало, кто получит право продолжать игру.

Каждый клан делился с государством частью своих денег, возможностей и влияния. Взамен государство давало ему защиту. Оно помогало сохранять активы, обеспечивало нужные договорённости и закрывало глаза на то, что не должно было становиться достоянием общественности.

Быть частью клана означало платить.

Но оставаться одному было намного опаснее.

Большинство предпринимателей даже не подозревали о существовании этой системы. Владельцы небольших магазинов, мастерских и семейных предприятий могли годами вести дела, платить налоги, искать клиентов и верить, что их будущее зависит только от качества работы.

Пока их бизнес оставался маленьким, он никого не интересовал.

Правила менялись в тот момент, когда небольшая компания превращалась в крупную. Когда она начинала стабильно зарабатывать, занимала лидирующие позиции в своей отрасли и становилась слишком заметной, к её владельцу приходили представители кланов.

Они не требовали отдать бизнес.

По крайней мере, не сразу.

Предпринимателю предлагали защиту. Вхождение в клан открывало доступ к связям, договорённостям и возможностям, недоступным обычным компаниям. Клан помогал бизнесу сохранять позиции, устранять препятствия и отбиваться от тех, кто хотел забрать его себе.

Взамен владелец должен был делиться.

Иногда деньгами. Иногда долей в компании. Иногда контрактами, услугами или информацией. У каждого клана были свои условия, но суть оставалась неизменной: часть бизнеса больше не принадлежала только тому, кто его создал.

Формально предложение можно было отклонить.

Фактически отказ означал, что компания оставалась без защиты.

Тогда вместо переговорщиков приходили другие люди. Бизнес могли разорить, его деньги — забрать, а активы — разделить. Если же компания была слишком перспективной, чтобы её уничтожать, она становилась государственной.

Это называлось переходом под контроль государства.

Для прежнего владельца всё звучало гораздо проще: его бизнес ему больше не принадлежал.

Именно поэтому любая компания, достигшая определённого уровня, рано или поздно должна была примкнуть к одному из семи.

Ритейлеры контролировали торговлю. Через них проходило почти всё, что люди покупали каждый день: от продук-

тов и одежды до лекарств и бытовой техники. Они определяли, какой товар окажется на полке, сколько он будет стоить и кто получит доступ к покупателю.

Их ближайшими союзниками были логисты. Они управляли складами, портами, дорогами и грузовыми маршрутами. Ритейлеры могли продать всё что угодно, но без логистов ни один товар не добрался бы до магазина. Эти два клана зависели друг от друга, поэтому их союз считался одним из самых прочных.

Оборонный клан стоял ближе всех к государству. Он не искал дружбы с другими и признавал только власть правительства. Оборонщики обеспечивали государству силу, безопасность и оружие. Взамен они получали почти неограниченную защиту и финансирование.

Однако со временем им стало тесно в пределах собственной отрасли. Они хотели контролировать не только оборону, но и всю систему.

Их главным союзником был сырьевой клан — владельцы нефти, газа, металлов и других природных ресурсов. В их руках находились богатства, без которых не могли существовать ни промышленность, ни армия, ни само государство. Сырьё давало оборонному клану ресурсы, а оборонный клан обеспечивал сырьевикам защиту.

Рядом с правительством всегда держался и финансовый клан. Банкиры, управляющие капиталом и владельцы инвестиционных структур умели договариваться со всеми. Они

финансировали одних, хранили деньги других и старались не закрывать дверь ни перед одной из сторон.

Финансисты стремились угодить каждому. Но их настоящая преданность всегда принадлежала деньгам.

Сельскохозяйственный клан редко воспринимали как полноценного участника большой игры. В него входили фермеры, владельцы земель и крупнейшие производители продовольствия. Они не контролировали банки, оружие или технологии. Они контролировали нечто более простое и необходимое — еду.

Именно поэтому их власть становилась особенно заметной тогда, когда начинали пустеть прилавки.

Последним появился IT-клан — самый молодой и пока самый малочисленный.

Его основой стали технологии: разработчики, владельцы цифровых платформ и создатели систем, без которых современный мир уже не мог работать. Однако руководители нового клана быстро поняли, что не смогут соперничать со старыми объединениями, если ограничатся одной отраслью.

Поэтому они открыли двери для всех.

В IT-клан принимали компании, которым не нашлось места среди ритейлеров, логистов, финансистов, сырьевиков, аграриев или оборонщиков. К нему могли присоединиться владельцы заводов, производители цемента, независимые предприниматели и представители любых других отраслей, не поделённых между старыми кланами.

IT-клан был маленьким, но постоянно рос. Его участники слишком сильно отличались друг от друга, зато их объединяло одно: без этого клана каждый из них остался бы один на один с государством и теми, кто однажды пришёл бы за их бизнесом.

Семь кланов контролировали разные части одной системы. Они платили государству за защиту, заключали союзы, обменивались услугами и следили за тем, чтобы никто не получил слишком много власти.

Пока деньги двигались по установленным маршрутам, между ними сохранялось равновесие.

Но достаточно было одному клану нарушить правила, одной компании отказаться делиться или одному человеку забрать больше, чем ему позволено, — и вся система начинала рушиться.

Эта книга является художественным произведением. Все события, государства, организации, кланы и персонажи вымышлены. История не претендует на документальную или историческую достоверность. Любые совпадения с реальными людьми, компаниями и обстоятельствами случайны.

Глава 1. Без запасного сценария

Майкл развязал галстук и начал сначала.

Первая попытка получилась слишком небрежной. Вторая — безупречной, но узел неприятно давил на горло. На третьей он остановился, внимательно посмотрел на своё отражение и усмехнулся.

За последние несколько лет он проводил переговоры, от которых зависели контракты на сотни миллионов. Сидел за одним столом с министрами, владельцами корпораций и людьми, привыкшими покупать чужое согласие быстрее, чем заканчивался ужин. Он умел сохранять спокойствие, когда собеседники повышали голос, срывали встречи или в последний момент меняли условия.

Но сегодня его беспокоил галстук.

Майкл жил в двухуровневом пентхаусе, занимавшем два верхних этажа жилой башни. Спальня, гардеробная и кабинет находились наверху; нижний уровень был отдан просторной гостиной, кухне и холлу, из которого можно было сразу пройти к лифту.

Обычно тишина в этой квартире помогала ему собраться с мыслями. Сегодня она лишь подчёркивала, насколько непривычно сильно он нервничал.

Тёмные волосы были аккуратно уложены, белая рубашка подчёркивала лёгкий загар, оставшийся после последней ра-

бочей поездки, а тёмный костюм сидел так, словно его подгоняли прямо на нём. Высокий, широкоплечий и подтянутый, Майкл выглядел моложе своих тридцати семи. Утренние пробежки давно стали для него такой же обязательной частью жизни, как чашка крепкого кофе и проверка рабочей почты.

Он бегал в любую погоду и в любом городе. Неважно, просыпался он дома или в отеле на другом конце света: Майклу необходимо было хотя бы полчаса, в течение которых никто не мог потребовать от него решения.

В зеркале на него смотрел человек, привыкший контролировать почти всё. Спокойные карие глаза, прямой взгляд, уверенная осанка. Его привлекательность была не только во внешности. Майкл умел слушать так, что собеседнику начинало казаться, будто в комнате больше никого нет. Он редко говорил громче остальных, но обычно именно его слова запоминали после встречи.

В двадцать семь лет он пришёл в Corvane Energy младшим менеджером. Тогда ему поручали готовить документы, проверять цифры и следить за тем, чтобы на переговорах никто не обнаружил чужую ошибку раньше него.

Через десять лет Майкл занимал должность заместителя генерального директора.

Corvane Energy была не просто крупной нефтяной компанией. Она входила в тройку самых влиятельных сырьевых корпораций страны и считалась безусловным лидером в до-

быче и продаже нефти.

Рядом с ней стояли Nexar Gas, контролировавшая газовое направление, и Aurum Metals, занимавшая ведущие позиции в добыче металлов и золота. Три компании составляли ядро сырьевого союза. Вокруг них объединялись десятки предприятий поменьше — достаточно значимых, чтобы участвовать в большой игре, но недостаточно сильных, чтобы диктовать собственные правила.

Для Майкла это было обычным отраслевым объединением. У компаний были общие интересы, крупные совместные договорённости и необходимость поддерживать друг друга. Денис Сергеевич иногда называл их союз сырьевым кланом, но делал это только после нескольких бокалов.

Денис Сергеевич был основателем и генеральным директором Corvane Energy. Он отдал компании большую часть жизни и теперь всё чаще жаловался на давление, возраст и бесконечные перелёты.

Работа стоила ему нескольких браков. У Дениса Сергеевича были две взрослые дочери, но обе вышли замуж, уехали за границу и не проявляли ни малейшего желания заниматься делами отца. Он никогда не упрекал их вслух, однако Майкл знал: отсутствие наследника беспокоило его намного сильнее, чем он показывал.

Когда Майклу было около тридцати, его родителей не стало. Денис Сергеевич никогда не пытался занять их место, а Майкл никогда не называл его отцом. Но со временем меж-

ду ними возникло нечто большее, чем обычные отношения руководителя и подчинённого.

Пока Майкл набирался опыта, Денис Сергеевич вкладывал в него всё, что знал сам. Отправлял в зарубежные командировки, брал на самые сложные переговоры, знакомил с нужными людьми и позволял совершать ошибки там, где ещё можно было исправить последствия. Он учил Майкла не только управлять нефтяной компанией, но и замечать то, о чём собеседники предпочитали молчать.

Денис Сергеевич видел в нём сына, которого у него никогда не было. А ещё — своего преемника.

Он был уверен, что Майкл не предаст ни его, ни компанию. Что в нужный момент сумеет принять непопулярное решение и удержит бизнес, на создание которого ушла целая жизнь. Сырьевой отрасли требовался сильный, прагматичный человек, знающий себе цену. И Денис Сергеевич считал, что воспитал именно такого.

В последние годы Майкл всё чаще заменял его на важнейших встречах и заключал крупнейшие контракты Corvane Energy. Он встречался с иностранными делегациями, договаривался о поставках и находил компромисс даже там, где обе стороны приезжали исключительно ради того, чтобы обвинить друг друга.

Нефть научила его главному: цена никогда не зависела только от нефти.

На неё влияли войны, выборы, страх, погода, заявления

политиков и десятки договорённостей, о которых не писали в газетах. Но в конечном счёте за каждым контрактом всё равно стояли люди. А людей Майкл понимал гораздо лучше, чем графики.

Он отошёл от зеркала, подошёл к креслу и взял лежавшую на нём небольшую коробочку.

Тёмный бархат был тёплым от его ладони.

Майкл открыл крышку. Кольцо поймало свет и на мгновение отбросило блик на белую манжету.

— Лиз, ты выйдешь за меня?

Он помолчал, прислушиваясь к собственному голосу.

Слишком прямо.

— Лиз, этот год рядом с тобой...

Майкл нахмурился.

Так было ещё хуже. Фраза звучала как начало годового отчёта.

Они были вместе чуть больше года. Не самый долгий срок, если рассуждать осторожно. Но Майкл привык принимать решения тогда, когда уже видел достаточно, а не тогда, когда исчезали последние сомнения. Последние сомнения не исчезали никогда — ни в бизнесе, ни в жизни.

Он закрыл коробочку и снова посмотрел на себя.

Сегодня их пригласили на гала-ужин, где должны были собраться крупнейшие предприниматели страны. Нефтяники, финансисты, владельцы торговых сетей, логистических компаний, аграрных корпораций и технологических платформ.

Люди из разных отраслей, которых редко удавалось увидеть в одном зале без камер, охраны и заранее согласованной рассадки.

Майкл бывал на подобных мероприятиях много раз. Обычно он заранее знал, с кем должен поговорить, кому пожать руку и какой вопрос осторожно поднять между основным блюдом и десертом.

Но сегодня главным для него был не новый контракт.

Сегодня в его внутреннем кармане должно было лежать кольцо.

Денис Сергеевич одобрил его решение с таким энтузиазмом, что Майкл почти пожалел, что вообще рассказал ему о своих планах.

— Вы с Лиз прекрасная пара, — сказал тот. — И, если говорить откровенно, поддержка её семьи однажды может оказаться для нас бесценной.

— Я собираюсь жениться на Лиз, а не на её семье.

— Разумеется.

Денис Сергеевич тогда улыбнулся и поднял бокал.

— Но её семья всё равно придёт на свадьбу.

Отец Лиз занимал пост министра обороны и носил звание маршала. Его имя знала вся страна, хотя сам он редко давал интервью и ещё реже говорил о семье. Даже для Майкла человек такого уровня оставался почти недостижимым.

Денис Сергеевич называл окружение министра оборонным кланом.

В трезвом состоянии он тщательно подбирал выражения, зато после нескольких бокалов начинал рассказывать о каких-то старых союзах, тайных договорённостях и семьях, между которыми якобы была поделена вся экономика.

Пару раз Майкл слышал от него и про другие кланы.

Про сырьевиков, контролировавших нефть и газ. Про финансистов, которые хранили деньги всех сторон одновременно. Про ритейлеров и логистов, деливших между собой торговлю и перевозки. Про людей, способных уничтожить компанию только потому, что её владелец отказался делиться со всеми.

Однажды Майкл даже спросил:

— И к какому клану тогда относимся мы?

Денис Сергеевич долго смотрел на него поверх бокала, а потом ответил:

— Однажды ты займёшь моё место и сам всё узнаешь.

На следующее утро Денис Сергеевич заявил, что ничего подобного не говорил.

Майкл не стал настаивать. Он решил, что истории о кланах были смесью старческих страхов, алкоголя и слишком долгой работы рядом с политиками. Крупный бизнес действительно нуждался в связях. Государственные контракты действительно зависели от знакомств. Но тайные объединения, делившие между собой целые отрасли, казались ему слишком удобным объяснением для людей, не желавших признавать собственные ошибки.

Поэтому слова о семье Лиз он воспринял именно так, как, по его мнению, и следовало: влиятельные родственники никогда не мешали бизнесу.

Но никакая защита не имела отношения к кольцу.

По крайней мере, Майкл хотел, чтобы это было именно так.

Он снова открыл коробочку.

— Лиз, я не умею говорить о чувствах так же хорошо, как о работе.

Майкл покачал головой.

— Прекрасное начало.

Несколько секунд он молча смотрел на кольцо, затем выдохнул и произнёс без заготовленной речи:

— Лиз, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты выйдешь за меня?

На этот раз слова прозвучали правильно.

Он закрыл коробочку, убрал её во внутренний карман пиджака и провёл ладонью по ткани, проверяя, надёжно ли она спрятана.

Телефон лежал рядом с часами на комод. Майкл взял его и посмотрел на экран.

19:02.

Гала-ужин начинался в девять. Почти двух часов было достаточно, чтобы заехать за Лиз и вместе с ней добраться до места.

Майкл открыл их переписку.

«Буду у тебя в 19:30».

Он отправил сообщение, не добавляя больше ничего, и сразу набрал номер водителя.

— Подгоните Porsche к главному входу, — сказал Майкл.
— Сегодня я поеду сам. Заберу Лиз и отправлюсь на мероприятие. Вы свободны до завтра.

Закончив разговор, он прошёл в ванную комнату и взял с полки тёмный флакон Black Afgano. Нанёс немного парфюма на шею и запястья, затем задержался ещё на секунду, будто проверяя, не забыл ли чего-нибудь.

Кольцо было на месте.

Майкл спустился на нижний уровень пентхауса. Перед выходом остановился у большого зеркала в холле, поправил манжету и в последний раз посмотрел на себя.

На этот раз отражение не вызвало у него ни одного замечания.

Он мягко улыбнулся.

«Лиз, что же ты со мной сделала?»

У главного входа его уже ждал новый жёлтый Porsche 911. Яркий кузов отражал вечерние огни, а водитель стоял рядом с открытой дверью, держа ключи в руке.

Майкл поблагодарил его, сел за руль и закрыл дверь.

Но двигатель не запустил.

Почти три минуты он просто сидел в тишине. Затем снова достал бархатную коробочку, открыл её и посмотрел на кольцо.

Всё было готово. Костюм. Машина. Время. Даже слова, которые ещё несколько минут назад никак не хотели складываться в предложение.

Майкл глубоко вдохнул, медленно выдохнул и закрыл коробочку.

Вернув её во внутренний карман, он наконец положил руки на руль.

Сегодня Майкл впервые за много лет отправлялся на важную встречу без запасного сценария.

Глава 2. Женщина для будущего

Двигатель ожил с приглушённым рыком.

Майкл отъехал от главного входа, куда водитель подал ему Porsche, свернул на главную улицу и почти сразу оказался в плотном потоке машин. Красные огни стоп-сигналов тянулись до следующего перекрёстка, и навигатор прибавил к дороге ещё девять минут.

Обычно пробки раздражали его. Сегодня Майкл неожиданно был им благодарен.

До дома Лиз оставалось достаточно времени, а торопить мысли ему не хотелось.

Впервые он увидел её три года назад.

Это был ежегодный благотворительный ужин, на котором представители крупнейших компаний страны по очереди рассказывали, какие проекты собираются поддержать и сколько средств готовы на них направить. Для одних это было вопросом репутации. Для других — возможностью напомнить о своём влиянии. Были и те, кто действительно верил, что деньги должны приносить пользу не только их владельцам.

В тот вечер на сцену впервые поднялась дочь маршала Владимира Александровича Бирца.

— Елизавета Владимировна Бирц, заместитель генерального директора Aegeon Defense Industries, — объявил веду-

щий.

Майкл оторвался от разговора и посмотрел в сторону сцены.

На Лиз было длинное изумрудное платье, подчёркивавшее стройную фигуру. Она не казалась высокой — около ста семидесяти сантиметров, — но держалась прямо, отчего визуально возвышалась над некоторыми мужчинами, стоявшими рядом. Рыже-каштановые волосы были собраны так, чтобы несколько прядей свободно обрамляли лицо. Лёгкий вечерний макияж не скрывал напряжения: улыбка иногда застывала, а уголок губ едва заметно подрагивал.

Она волновалась.

Но голос её звучал серьёзно.

В тот год сельское хозяйство страны тяжело переживало засуху. Земля высохла, водоёмы обмелели, а значительная часть полей могла остаться без урожая. Чтобы спасти посевы, требовалось восстановить оросительные системы и провести воду туда, где её прежде хватало естественным образом.

Это стоило огромных денег.

Aegeron Defense Industries брала на себя финансирование части работ.

— Если мы позволим урожаю погибнуть сегодня, последствия почувствуют не только фермеры, — сказала Лиз со сцены. — Сначала исчезнет часть продукции. Затем вырастут цены. После этого подорожает всё, что зависит от сырья,

перевозок и производства. Помощь сельскому хозяйству — это не жест доброй воли. Это ответственность перед людьми, которые не должны расплачиваться за то, что не могут изменить.

Для оборонной компании выбор выглядел неожиданным. И благородным.

Майкл тогда ещё не знал Лиз и не мог понять, говорила ли она от сердца или просто хорошо исполняла порученную роль. Но выступление он запомнил.

Когда официальная часть закончилась, зал быстро разделился на десятки небольших кругов. Политики, чиновники и предприниматели обсуждали контракты, назначения и слухи, переходя от одного собеседника к другому с бокалами шампанского в руках.

Майкл почти всё время находился в центре одного из таких кругов. Ему задавали вопросы о новых поставках, переговорах с иностранными партнёрами и планах Corvane Energy. Он отвечал, шутил, обменивался контактами — и время от времени смотрел через зал.

На сцене Елизавета Владимировна Бирц казалась собранной и почти холодной. Теперь она стояла в окружении подруг, смеялась над чем-то и оживлённо жестикулировала. Напряжённая улыбка исчезла, а на её месте появилась совсем другая — свободная и немного дерзкая.

В тот вечер им так и не удалось поговорить.

В следующие два года они ещё несколько раз пересека-

лись на гала-ужинах, благотворительных приёмах и закрытых встречах. Майкл замечал её, она наверняка замечала его, но повода познакомиться не возникало: их компании работали в разных сферах и почти не соприкасались.

Всё изменилось чуть больше года назад.

После переезда в новый район Майкл сменил спортивный клуб.

Однажды утром он увидел знакомые рыже-каштановые волосы на соседней беговой дорожке.

Лиз бежала в наушниках, собрав волосы в высокий хвост. Без изумрудного платья, каблучков и вечернего макияжа она выглядела моложе и живее. Майкл узнал её сразу, но несколько секунд не решался заговорить.

Она заметила его взгляд, убавила скорость и вытащила один наушник.

— Мы знакомы? — спросила она.

— Несколько раз встречались на мероприятиях.

— Это не считается знакомством.

Майкл улыбнулся.

— Тогда исправим. Майкл.

— Я знаю.

Она произнесла это без восторга и без попытки придать его имени особое значение.

— Елизавета Владимировна? — спросил он.

Лиз поморщилась.

— В спортзале это звучит как вызов на совещание. Для

друзей я Лиз.

— А я уже друг?

— Нет. Но у тебя есть возможность им стать.

Она снова увеличила скорость дорожки.

Майкл прибавил темп на своей.

— Почему Лиз?

— Долгая история.

— У нас ещё двадцать минут бега.

Несколько секунд она смотрела прямо перед собой, а затем всё-таки улыбнулась.

— До моего рождения родители собирались назвать меня Марией. Но отец увидел в роддоме свёрток с рыжим чубчиком и заявил, что это не Мария, а лисёнок. Потом они выбрали имя Елизавета, но лисёнок никуда не делся. Для всех своих я осталась Лиз.

— Получается, я уже почти свой.

— Не торопись, нефтяник.

Именно тогда она впервые его зацепила.

Майкл привык к совершенно другой реакции. Стоило некоторым женщинам узнать, какую должность он занимает и каким влиянием обладает, как их голоса становились мягче, взгляды — внимательнее, а планы на будущее возникали раньше второго свидания. Казалось, ещё немного — и они начнут выбирать имена их детям и выяснять, какой борщ он предпочитает.

Лиз ничего для него не готовила. Даже удобную версию

самой себя.

Она выросла единственной дочерью одного из самых влиятельных людей страны, знала себе цену и привыкла получать желаемое. Иногда была слишком резкой. Иногда — откровенно избалованной. Ей ничего не стоило перебить собеседника, поставить под сомнение его слова или ответить так, что продолжать спор решались немногие.

Майклу нравились волевые женщины.

Их разговор на беговых дорожках продолжился после тренировки. Потом были кофе, ужины, сообщения среди рабочего дня и встречи, для которых обоим приходилось перedвигать расписание.

Лишь позднее Майкл до конца осознал, какое место Лиз занимала в оборонной империи. Она была единственным ребёнком Владимира Александровича Бирца и наследницей всего, что создала её семья.

Их отношения никогда не были спокойными.

Лиз могла быть внимательной и неожиданно нежной, а через несколько часов — вспылить из-за фразы, которой Майкл не придавал значения. В сердцах она говорила слишком много и слишком точно била по слабым местам. Позднее иногда извинялась. А иногда каким-то образом доказывала, что виноватым во всём был он.

Майкл этого не принимал.

Однажды они расстались больше чем на два месяца. Не писали друг другу, не звонили и старательно избегали мест,

где могли пересечься.

Но на одном из следующих мероприятий всё-таки встретились.

Майкл разговаривал с представителями финансовой компании, когда увидел Лиз на другом конце зала. Она тоже заметила его. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга поверх чужих плеч и бокалов.

Этого оказалось достаточно.

Страсть, которую оба пытались объявить законченной, вспыхнула снова. В тот вечер они уехали вместе и вскоре возобновили отношения.

Несколько раз Майкл и Лиз пытались жить под одной крышей. Для этого они даже снимали отдельную квартиру — нейтральное пространство, которое не принадлежало ни одному из них.

Но либо дома не было Майкла, либо не было Лиз. А когда они всё-таки оставались вдвоём, романтика быстро растворялась в усталости, бытовых вопросах и рабочих звонках.

В конце концов они решили, что окончательно съедутся только после свадьбы. Тогда, когда будут готовы не просто делить квартиру, а планировать общую жизнь и детей.

Примерно месяц назад они проходили через детский отдел большого магазина. Лиз почти миновала его, но внезапно остановилась возле витрины с крошечными платьями, куртками и игрушками.

Она взяла маленькое платье, провела пальцами по ткани

и улыбнулась.

Не привычно дерзко. Не сдержанно, как на официальных мероприятиях. Совсем иначе.

— Когда у меня будет дочь, я буду наряжать её в самые красивые вещи, — сказала она. — Представляешь, какая она будет?

В тот момент Лиз показалась Майклу удивительно искренней и мягкой.

Внутри него что-то дрогнуло. Он впервые ясно представил её не только рядом с собой, но и с их ребёнком на руках. Подумал, что материнство, возможно, сделает её мягче, спокойнее и женственнее. Превратит ту сторону Лиз, которую она показывала лишь на несколько мгновений, в часть их повседневной жизни.

После этого Майкл думал почти месяц.

Его чувство нельзя было назвать безумием. Он не терял голову, не забывал о работе и не был готов отказаться ради Лиз от всего, что строил десять лет. Она раздражала его почти так же часто, как восхищала. Он видел её недостатки и не пытался убедить себя, что после свадьбы они исчезнут.

Но он хотел возвращаться именно к ней.

Хотел видеть её за своим столом, брать с собой в поездки, однажды услышать детский смех в доме, куда привык возвращаться один. Хотел спорить с ней, мириться и знать, что вечером она всё равно будет рядом.

Поток машин впереди наконец пришёл в движение.

Майкл посмотрел на часы. До жилого комплекса Лиз оставалось шесть минут.

Он уже представлял, как она спустится к нему в холл, и невольно улыбнулся.

Глава 3. Разговор, которого не было

Квартиру площадью триста квадратных метров Лиз получила от родителей пятнадцать лет назад.

Перед тем как окончательно переехать, она пригласила одного из лучших дизайнеров страны и велела переделать всё. Натуральный камень, мебель по индивидуальным эскизам, единственные в своём роде светильники, картины из частных галерей — в квартире не осталось ни одной случайной вещи.

Лиз любила владеть лучшим.

Не для того, чтобы называть гостям имена мастеров и наблюдать за чужой завистью. Ей не требовалось подтверждение ценности того, что ей принадлежало. Достаточно было самой знать: лучше найти невозможно.

В семье Бирц к этому относились как к естественному порядку вещей. Aegeron Defense Industries не имела себе равных в оборонной отрасли. Владимир Александрович и его дочь прекрасно это знали, но не считали нужным говорить об очевидном вслух.

Отец Лиз был строгим человеком — с подчинёнными, с близкими и прежде всего с самим собой. В доме многое подчинялось его правилам, а мать почти всю совместную жизнь

уступала и сглаживала острые углы.

Два года назад родители развелись. Мать уехала за границу и теперь, по её собственным словам, наконец жила так, как хотела. Владимир Александрович продолжал ей помогать и следил, чтобы она ни в чём не нуждалась. Они сохранили тёплые чувства, хотя жить вместе больше не могли.

Из их брака Лиз вынесла простой урок: любовь не спасает союз, в котором одному всё время приходится становиться тише. Сама она ни ради кого становиться тише не собиралась.

Она унаследовала от отца спокойную уверенность и привычку не сравнивать себя с другими. С детства Лиз знала: всё лучшее рано или поздно достаётся семье Бирц.

И всё же «лучшее» не всегда означало «самое дорогое».

Даже роза из обычной салфетки могла стать для неё ценной, если её сложил человек, имевший для неё значение. Такие люди встречались редко.

Майкл был одним из них.

Вечером спальня Лиз напоминала закрытую гримёрную перед большим показом. На стойке висел подготовленный наряд, на туалетном столике ровными рядами лежали кисти, палетки и флаконы. Стилист проверяла последние детали образа, визажист готовила макияж, а специалист по волосам закрепляла причёску.

Лиз сидела перед зеркалом в шёлковом халате и медленно пила шампанское.

Обычно напряжение она оставляла в спортивном зале. Бежала до тех пор, пока мысли не становились тише, а раздражение не уступало место усталости. Сегодня времени на тренировку не было, поэтому вместо беговой дорожки она позволила себе один бокал.

Телефон на столике коротко завибрировал.

Майкл.

«Буду у тебя в 19:30».

Лиз посмотрела на время.

— Девочки, мы успеваем?

— Конечно, — сразу ответила стилист. — Остались только финальные штрихи.

— Отлично. Майкл будет через полчаса.

Все трое улыбнулись так, словно слышали новость, которой ждали весь вечер.

Лиз хорошо знала эти улыбки.

У неё никогда не было по-настоящему близких друзей. Были женщины, с которыми она появлялась на мероприятиях, ездила отдыхать и проводила вечера. Они смеялись над её шутками, соглашались с решениями и уверяли, что она всегда права.

Но откровенность требует безопасности.

А рядом с семьёй Бирц в безопасности чувствовали себя лишь те, кто умел вовремя промолчать.

Все знали: если кто-то оскорбит Лиз или фамилию Бирц, Владимир Александрович не станет выяснять отношения

лично. Он просто делает так, что у обидчика начнутся проблемы. Иногда от недавно успешного бизнеса через несколько месяцев не оставалось ничего. Как именно это происходило, окружающие предпочитали не спрашивать.

Оборонный клан уважали, потому что боялись. И боялись ещё сильнее, потому что были вынуждены демонстрировать уважение.

Лиз нравилось, что одного её слова достаточно, чтобы люди стали осторожнее. Нравилось входить в помещение и видеть, как меняются лица. Нравилось знать, что никто не посмеет отнять принадлежащее семье.

Но иногда эта власть лишала её редчайшей роскоши — честного ответа.

— Вы с Майклом такая прекрасная пара, — сказала стилист, расправляя подготовленное платье. — Каждый раз, когда вижу вас вместе, по-настоящему завидую.

Лиз чуть заметно приподняла подбородок.

Лесть ей нравилась не потому, что придавала уверенности. Ей было приятно, когда окружающие произносили вслух то, что она и без них считала очевидным.

— Майкл действительно прекрасный человек. Наверное, лучший мужчина из всех, кого можно встретить в этой стране.

— Вам очень повезло друг с другом, — сказала визажист.

— Дело не в везении. Мы выбрали друг друга.

— Думаете, у вас скоро будет свадьба?

Лиз медленно повернула бокал в пальцах.

— Для начала Майкл должен сделать мне предложение.

Помощницы переглянулись.

— Вы его ждёте?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, и Лиз сама это заметила.

— Не хотеть и не ждать — разные вещи, — добавила она.

— Мы договорились, что не станем жить вместе без официального брака. Но это ещё не обещание кольца.

Она провела большим пальцем по основанию безымянного пальца.

— Кроме того, я прекрасно знаю, какой бываю с Майклом. Иногда отношусь к нему слишком холодно. Отталкиваю, когда он пытается приблизиться, а потом злюсь, что он не понял, чего я хотела на самом деле. На его месте я бы тоже не торопилась покупать кольцо.

Помощницы молчали. Лиз редко говорила о себе настолько прямо.

— Но вы думаете, что он может сделать предложение? — осторожно спросила стилист.

— Подозреваю. В последнее время он стал слишком внимательным. Словно всё время боится упустить мелочь или сказать что-то не то. И сегодня решил сам сесть за руль.

— Разве он обычно за вами не заезжает?

— На официальные мероприятия — с водителем. Если

хочет побыть со мной вдвоём, ведёт сам.

— Может быть, поэтому и сегодня сам?

Во взгляде Лиз на мгновение появилось тепло.

— Может быть.

— А если он всё-таки спросит?

Лиз чуть заметно улыбнулась.

— Я не люблю отвечать на вопросы, которые мне ещё не задали.

Стилист осмелела:

— А что вам больше всего в нём нравится?

Лиз не ответила сразу.

— Он не становится меньше рядом со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Большинство мужчин либо боятся моей фамилии, либо пытаются её использовать. Начинают соглашаться со всем, смеяться над несмешными шутками, доказывать, что готовы ради меня на что угодно. Это утомляет. Майкл может спорить. Может сказать «нет». Иногда меня это ужасно раздражает, но рядом со мной остаётся мужчина, а не очередной поклонник.

— Значит, вы его любите? — тихо спросила визажист.

Лиз посмотрела на неё прямо, не через зеркало.

— Любовь — слишком расплывчатое слово.

— Тогда как понять, что человек тот самый?

— Его нужно выбрать. Посмотреть на него без сказок про бабочек и вечную страсть. Понять, достоин ли он стоять ря-

дом. Майкл достоин.

— Звучит так, будто вы всё-таки влюблены, — улыбнулась стилист.

— Звучит так, будто я умею принимать правильные решения.

Помощницы тихо рассмеялись. Лиз тоже улыбнулась. Шампанское почти закончилось, а вместе с ним исчезала привычная осторожность.

— И ваш отец одобряет этот выбор? — спросила стилист.

— Отец не мыслит категориями «нравится» или «не нравится». Он оценивает людей по тому, чего они стоят и на что способны. Майкл способен на многое.

— Значит, Владимир Александрович считает, что вы подходите друг другу?

Лиз покачала бокал, наблюдая, как по стеклу стекает последняя капля.

— Он понимает, каким правильным может стать такой союз. Майкл представляет сырьевой клан. Я — оборонный. Наш ребёнок однажды сможет стать наследником обеих империй.

В комнате на несколько секунд стало тихо.

— Вы беременны? — первой спросила визажист.

— Что? Нет! — Лиз рассмеялась. — Боже упаси. Я говорю о будущем.

— Но детей вы хотите?

— Когда-нибудь. Но не сейчас. Беременность изменит те-

ло и всю мою жизнь. Я пока к этому не готова.

— А после рождения ребёнка вы продолжите работать?
— спросила специалист по волосам.

Лиз усмехнулась.

— А почему я должна прекращать?

— Многие женщины берут перерыв.

— От их присутствия не зависит столько процессов.

— Но у вас же есть Владимир Александрович.

— Отец не вечен.

Фраза прозвучала резче, чем Лиз собиралась.

Она нахмурилась.

— Сейчас я хочу путешествовать, заниматься компанией, строить карьеру. У нас с отцом слишком большие планы, чтобы я на год исчезла из дел.

— Какие планы? — осторожно спросила визажист.

Лиз на мгновение задумалась, будто решая, сколько можно сказать.

— Стать абсолютными лидерами.

— В оборонной отрасли?

— Везде.

— А разве одна компания может управлять всеми отраслями?

— Я говорю не о компании.

Лиз открыла рот, собираясь продолжить, но остановилась.

Хмель от шампанского рассеялся так же быстро, как появился.

Она посмотрела на три отражения за своей спиной. Помощницы ждали продолжения, не понимая, насколько близко подошли к тому, о чём им не следовало знать.

— Ни о чём, что должно вас интересовать, — холодно сказала Лиз.

Улыбки исчезли.

— Простите.

— Мы не хотели задавать лишних вопросов.

Лиз позволила тишине продлиться ещё несколько секунд.

— Этого разговора не было. Ни слов о кланах, ни слов о планах моего отца. Вы меня поняли?

Все трое кивнули.

Вот теперь их реакция была предсказуемой.

И безопасным.

— Сколько у нас осталось времени? — спросила Лиз так спокойно, словно предыдущего разговора действительно не было.

Стилист взглянула на часы.

— Семь минут.

— Тогда почему вы все стоите?

Три женщины пришли в движение одновременно.

Стилист расстегнула чехол с бордовым платьем. Тонкие золотые вставки подчёркивали талию, а с левой стороны на поясе был закреплён небольшой чёрный бант.

— Бант оставляем? — спросила она.

Лиз посмотрела на приготовленную рядом чёрную сумоч-

ку.

— Конечно. Без него сумочка будет выглядеть случайной.

— Согласна. Он связывает весь образ.

— Вот видишь. Иногда ты можешь отвечать честно ещё до того, как узнаешь моё мнение.

Стилист на мгновение замерла, не понимая, шутит Лиз или нет.

— Я постараюсь делать это чаще.

— Не обещай того, чего боишься.

Платье, туфли и украшения Лиз утвердила заранее. Помощникам оставалось лишь собрать всё воедино. Через несколько минут потайная молния была застёгнута, последняя прядь закреплена, а на губы лёг завершающий слой помады.

— Парфюм? — спросила стилист, поставив перед ней два флакона.

— *Portrait of a Lady*.

— Я думала, вы выберете более лёгкий.

— К этому платью лёгкий аромат потеряется. Только немного. Я не хочу, чтобы мой парфюм вошёл в зал раньше меня.

Когда всё было закончено, Лиз поднялась и посмотрела на себя в зеркало в полный рост.

Она выглядела именно так, как хотела: изящно, дорого и без единой случайной детали.

Лиз не знала, сделает ли Майкл сегодня предложение. Не

знала и того, сможет ли однажды без колебаний назвать то, что чувствовала к нему, любовью.

Но сейчас ей хотелось его увидеть.

Не ради гала-ужина, выгодного союза или возможного кольца. Просто увидеть.

Для этого вечера такого признания было достаточно.

— Мы закончили, Елизавета Владимировна, — сказала стилист.

Лиз перевела взгляд на трёх женщин.

— Нет. Осталось последнее. О чём мы сегодня разговаривали?

Первой ответила стилист:

— О платье. О золотых вставках и чёрном банте.

— И о парфюме, — добавила визажист. — Больше ни о чём.

Лиз выдержала короткую паузу.

— Правильно. Вот теперь вы закончили.

Телефон коротко завибрировал.

Майкл.

«Я внизу. Жду тебя в холле».

Глава 4. Мёртвая зона

Лиз не заставила его ждать.

Когда двери лифта разъехались, Майкл поднял голову и на несколько секунд забыл, что они опаздывают. Бордовое платье подчёркивало рыжевато-каштановый оттенок её волос, золотые вставки мягко вспыхивали в свете холла, а маленький чёрный бант на поясе перекликался с сумочкой в её руке. Ни одной случайной детали — иначе Лиз просто не вышла бы из дома.

Обычно Майкл приезжал к ней с алыми розами. Цветы были единственным подарком, который она принимала без привычного: «Я могу купить это сама». Сегодня он был без букета — появляться на гала-ужине с охапкой роз было бы неудобно, да и времени на остановку уже не оставалось.

Лиз отсутствия цветов не заметила.

Майкл шагнул навстречу и протянул руку. Она вложила в неё ладонь, и он поочерёдно коснулся губами её пальцев. Этот почти старомодный ритуал появился в самом начале их отношений. Лиз никогда не говорила, что он ей нравится, но всегда чуть медленнее обычного забирала руку.

Майкл обнял её и осторожно поцеловал в щёку, не задев помаду.

— Ты прекрасна.

— Я знаю, — ответила Лиз.

В уголках её губ появилась довольная улыбка.

— Готова?

— Давно. Это ты стоишь и любишь.

— Пытаюсь запомнить момент.

— На ужине будет фотограф.

Майкл усмехнулся и открыл перед ней дверь жёлтого Porsche. Лиз устроилась на пассажирском сиденье, аккуратно собрала платье, и он захлопнул дверь.

Когда Майкл сел за руль, коробочка во внутреннем кармане упёрлась в грудь. Он машинально коснулся пиджака, проверяя, на месте ли кольцо.

Навигатор показывал почти час пути. До времени, указанного в приглашении, оставалось сорок минут.

— Пристегнись, — сказал Майкл. — Нам придётся немного понарушать.

— Только немного? — спросила Лиз, защёлкивая ремень.

— Насколько получится.

Porsche выскользнул из тесных переулков, миновал ряд дорогих жилых домов и выбрался на широкую трассу. Вечерний поток ещё не стал плотным. Перед ними открылась свободная полоса, и Майкл сильнее надавил на педаль.

Двигатель отозвался низким рыком. Стрелка спидометра прошла отметку сто двадцать.

Майкл на несколько секунд накрыл ладонь Лиз своей. Она переплела с ним пальцы и повернулась к окну. От её волос пахло тёмной розой и пачули.

Он снова подумал о кольце.

Вывести её на террасу после официальной части? Дождаться музыки? Или отказаться от декораций, остаться с ней наедине и произнести те несколько слов, которые он весь день репетировал перед зеркалом?

«Лиз, ты выйдешь за меня?»

Вопрос был простым. Всё, что должно было последовать за ним, — да.

Майкл почти услышал собственный голос, когда заметил на дороге кирпич.

Красный строительный кирпич лежал прямо в его полосе. На такой скорости расстояние до него сокращалось слишком быстро. Майкл отпустил руку Лиз, схватился за руль обеими руками и резко дёрнул его влево.

В зеркало он не посмотрел.

Последние несколько минут он ехал быстрее потока. Позади не должно было оказаться никого, кто сумел бы его догнать.

В тот же миг слева взвизгнула резина и резко взревел мотоциклетный двигатель — будто кто-то до упора открутил газ.

У самого крыла мелькнуло белое пятно, качнулось в сторону разделительной полосы, затем выровнялось и вырвалось вперёд.

— Что это было? — резко спросила Лиз.

Майкл уже видел впереди белый спортивный мотоцикл.

Его водитель оглянулся через плечо и начал снижать скорость.

На мгновение Майкл подумал о времени. Потом представил, насколько близко мотоцикл оказался к двери, убрал ногу с педали газа и тоже замедлился.

Мотоцикл сместился влево и поравнялся с Porsche со стороны водителя. Теперь они ехали почти с одинаковой скоростью, и между белым обтекателем и дверью оставалось не больше полуметра.

Майкл опустил стекло.

— Давай к обочине! — крикнула незнакомка и указала рукой вправо.

Она выехала чуть вперёд и повела мотоцикл к краю дороги. Майкл перестроился следом. Через несколько секунд белый мотоцикл и жёлтый Porsche остановились на широкой обочине. Почти одновременно они включили аварийную сигнализацию. На мотоцикле и автомобиле замигали оранжевые огни.

Девушка подкатила мотоцикл к водительской двери и поставила ногу на асфальт.

— Только этого нам не хватало, мы опаздываем, — процедила Лиз.

— Ты что творишь?! — крикнула мотоциклистка Майклу. Голос из-под шлема звучал приглушённо, но ярость скрыть не мог. — Зачем так дёргать руль на такой скорости? Я чуть в тебя не въехала!

Она сидела на белом спортивном мотоцикле с красными и жёлтыми вставками. Бело-жёлтый комбинезон плотно облегал стройную фигуру, руки защищали усиленные перчатки, а лицо полностью скрывал шлем с чёрным визором.

— На дороге лежал кирпич и я, — начал Майкл.

— А в зеркала смотреть не надо? — перебила его девушка. — Ещё полметра — и ты бы меня снёс! Дебил.

Майкл медленно выдохнул. Чтобы оказаться рядом с Porsche, она сама должна была нестись значительно быстрее разрешённого. Читать ему лекцию о безопасности она имела не больше прав, чем он — ей.

— Послушай я, — ровно произнёс Майкл.

Девушка подняла визор.

Заготовленный ответ исчез.

Из-под подшлемника на Майкла смотрели насыщенно-голубые глаза, обведённые по краю радужки тёмным кольцом. Над ними выделялись тёмно-каштановые брови. В её взгляде не было ни испуга, ни облегчения после едва не случившейся аварии. Только злость, собранность и абсолютная уверенность в собственной правоте. Взгляд будто гипнотизировал.

Он собирался признать и извиниться, что действительно не посмотрел в зеркало. Но Лиз подалась к водительскому окну раньше, чем Майкл успел заговорить.

— Послушай, пустышка в скафандре, — холодно сказала она. — Сначала покупаете себе такие игрушки, потом бьётесь обо всё подряд и обвиняете нормальных людей!

Взгляд незнакомки переместился на Лиз.

Несколько секунд никто не говорил. Затем девушка снова посмотрела на Майкла.

— Вот тебе урок, — спокойно сказала мотоциклистка Майклу.

Она подняла руку и коротко ударила усиленной перчаткой по боковому зеркалу.

Раздался сухой треск. Корпус сорвало с крепления, и зеркало повисло на проводах, качнувшись у двери.

— Ты совсем с ума сошла?! — крикнул Майкл.

Девушка захлопнула визор. Оранжевые огни на мотоцикле погасли, двигатель взревел, и она рванула с обочины на дорогу.

Злость вспыхнула быстрее здравого смысла.

Майкл ударил по педали. Porsche рванул следом.

— Майкл! — воскликнула Лиз.

Жёлтый автомобиль быстро сокращал расстояние. Незнакомка заметила его в зеркале, обернулась и показала Майклу средний палец.

Зачем за ней погнался, он так и не понял. А если бы догнал, то чтобы сделал? Может отругал или выставил счет? Вызвал полицию? В нем просто проснулся азарт, которого раньше не было. Майкл просто хотел ее догнать, как соперника, ни как врага.

После этого мотоцикл ускорился.

Майкл тоже прибавил газу.

Сто пятьдесят.

Сто семьдесят.

Стрелка подбиралась к двумстам. Двигатель ревел, разметка сливалась в сплошную белую линию, а мотоцикл впереди нырял между редкими машинами с пугающей лёгкостью.

Майкл почти настиг её, когда краем глаза увидел Лиз. Она вжалась в кресло и обеими руками стискивала ремень на груди. От привычной надменности не осталось ничего.

Он взглянул на спидометр.

Почти двести.

Что он делает?

Майкл убрал ногу с педали и начал снижать скорость. Не резко — дорога не простила бы ещё одного импульсивного движения. Белый мотоцикл быстро оторвался и исчез среди машин.

В салоне стало тихо. Остались только гул двигателя и мерный стук зеркала о дверь.

— Ты запомнил номер? — спросила Лиз.

Майкл не ответил.

— А я запомнила.

Она достала телефон и открыла переписку с отцом.

«Папа, мы только что чуть не попали в ДТП с девушкой на белом мотоцикле. Она сломала Майклу зеркало. Проверь, пожалуйста, кто она. Когда буду дома, всё расскажу. Номер 8988 МН».

Ответ пришёл меньше чем через минуту.

«Хорошо, доченька».

Лиз убрала телефон в сумочку.

— Папа выяснит, кто она.

— Не нужно, — произнёс Майкл.

Лиз повернулась к нему.

— Что значит «не нужно»? Она только что сломала тебе зеркало.

— Я видел.

— Тогда в чём вопрос?

Майкл вернул машину к скорости потока.

— Мы тоже виноваты.

— Мы?

— Я резко перестроился и не посмотрел в зеркало. Из-за одного моего движения она могла оказаться под колёсами.

— Она сама выбрала такую скорость. И сама отвечает за свою жизнь.

— Я тоже отвечаю за тех, кто находится рядом со мной. Машину могло развернуть. Мы с тобой могли врезаться в ограждение. Я одним движением поставил под угрозу всех троих.

Лиз поджала губы.

— Ты сейчас её защищаешь?

— Нет. Она превысила скорость и сломала чужую вещь.

А я не посмотрел в зеркало.

— И поэтому она имела право назвать тебя дебилем?

— Нет.

— А разбить зеркало?

— Нет.

— Тогда я не понимаю, о чём мы спорим.

— О том, что чужая вина не отменяет мою.

Лиз отвернулась к окну.

— Когда уже примут нормальные законы для мотоциклистов? Почему им не выделяют отдельные полосы? Или хотя бы не запретят шнырять между машинами? Они появляются из ниоткуда, лезут в мёртвые зоны, а виноваты все вокруг.

Майкл промолчал.

Опаснее мёртвой зоны оказалась его уверенность: если он едет быстрее, значит, дорога принадлежит ему.

Большую часть оставшегося пути они не разговаривали.

Майкл держал обе руки на руле. За все годы вождения он ни разу не попадал в серьёзную аварию и привык считать себя собранным человеком. Теперь у двери болталось зеркало, а в памяти снова и снова возникали белый мотоцикл у левого крыла и расстояние, которого могло не хватить.

Починить Porsche было легко. и стоило бы около 300 тыс, не считая покраску двери. Завтра он сделал бы один звонок, и через несколько дней на машине не осталось бы ни следа. Гораздотруднее было избавиться от мысли, что одним манёвром он едва не погубил троих.

Коробочка с кольцом по-прежнему лежала во внутреннем кармане, однако отрепетированные слова рассыпались и

больше не складывались в одну фразу.

Перед глазами всплывал поднятый чёрный визор.

Голубые глаза.

Завораживающие. Холодные.

В голове крутились мысли о том, что девушка из-за своей самоуверенности чуть не погибла. Да и так дерзко себя вела. А Майкл нормально слово произнести не мог.

Судя по мотоциклу это была последняя модель BMW M1000rr в эксклюзивном цвете. А глядя на ее экипировку, явно сшитую на заказ, назвать эту девушкой простой не повернется язык.

Лиз смотрела в окно, слегка надув губы. Её раздражало не признание Майкла в собственной вине. Её раздражало, что он отказался немедленно объявить виновной только другую сторону.

Владимир Александрович пока согласился лишь выяснить имя незнакомки. Но в воображении Лиз отец уже лишил её прав, отобрал мотоцикл и сделал так, чтобы девушка надолго запомнила встречу с семьёй Бирц.

Молчание затянулось.

Майкл первым решил его нарушить.

— А погода сегодня всё-таки прекрасная.

Лиз медленно повернула к нему голову.

— Что?

— Погода. Обычно летом в столице дождь идёт почти каждый день. А сегодня солнце, ни единого облака.

Несколько секунд Лиз пыталась понять, действительно ли после всего случившегося он решил поговорить с ней о погоде.

— Вот они и повыползали, — наконец сказала она.

— Кто?

— Мотоциклисты. Почувствовали солнце и выехали ломать людям машины. Был бы дождь, сидели бы по гаражам, и твоё зеркало осталось бы на месте.

Уголки губ Майкла дрогнули.

— Значит, виновата погода?

— Разумеется. Не я же.

Он рассмеялся. Лиз ещё несколько секунд сохраняла невозмутимое лицо, затем посмотрела на раскачивавшееся у двери зеркало и тоже не выдержала.

Сначала они смеялись осторожно, словно не были уверены, что уже имеют право. Потом легче, свободнее. Кирпич посреди трассы, разъярённая девушка в белом шлеме, отлетевшее зеркало и нелепая погоня вдруг сложились в настолько абсурдную историю, что продолжать молчать стало труднее, чем смеяться.

Смех не сделал никого из них правым. Но напряжение отступило.

Когда впереди показалось здание, где проходил гала-ужин, они снова разговаривали спокойно.

У главного входа уже выстроился ряд автомобилей. Почти все приглашённые давно собрались внутри. У дверей дежу-

рила охрана, сотрудники сверяли имена прибывших со списком гостей.

Майкл остановил Porsche под освещённым навесом. К машине подошёл парковщик. Майкл вышел, передал ему ключи, и тот, собираясь сесть за руль, заметил болтавшееся на проводах зеркало.

— Сэр, у вашего автомобиля...

— Не обращайтесь внимания, — перебил Майкл. — Это я сегодня натворил. Всё хорошо, я в курсе.

Парковщик ещё раз взглянул на повреждение, но вопросов задавать не стал.

Майкл обошёл автомобиль, открыл дверь Лиз и подал ей руку. Она осторожно выбралась наружу, придерживая подол платья, и взяла его под локоть.

Перед входом они посмотрели друг на друга.

Лиз первой тихо рассмеялась. Майкл ответил ей такой же нервной улыбкой. Со стороны могло показаться, будто последнюю часть дороги они провели не на грани серьёзной аварии, а на странном представлении, смысл которого был понятен только им двоим.

Они одновременно выдохнули.

Майкл крепче прижал руку Лиз к своему локтю и вместе с ней направился к дверям.

Гала-ужин уже начинается.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.